

Чжоу Дэнхань с видом полной невинности поклялся:

— Наставник, это действительно мой настоящий уровень, без халтуры и воды.

Только произнеся это, он понял, что его слова могли быть восприняты как намек на Цзи Чжайсина, и невольно бросил взгляд на бледнокожего юношу, слегка нервничая.

Ло Цзы разозлился еще больше и с сарказмом произнес:

— Я, конечно, знаю твой уровень, и он недостаточно высок, чтобы я тратил время на то, чтобы вызывать тебя. Но почему ты все время смотришь на Цзи Чжайсина? Твои глаза буквально прилипли к нему. Ты пришел смотреть на него или учиться?

На самом деле многие студенты украдкой поглядывали на юношу, и Ло Цзы понимал, что из-за произошедшего они могли быть рассеянны, но Чжоу Дэнхань был самым наглым из них.

Пэй Мин, сидевший рядом с Чжоу Дэнханем, слегка напрягся и незаметно отвел взгляд.

Слова Ло Цзы заставили Цзи Чжайсина слегка повернуть голову и с удивлением посмотреть на Чжоу Дэнханя.

Его выражение было спокойным, но его профиль, освещенный утренним светом из окна, казался особенно ярким и нежным.

Его длинные ресницы слегка вздрогнули, а изящная шея на мгновение полностью открылась, и казалось, что даже на расстоянии можно было почувствовать исходящий от него тонкий аромат. Его темные глаза, словно глубокая морская пучина, отражали легкое недоумение и вопрос.

Как будто он спрашивал Чжоу Дэнханя, почему тот так пристально на него смотрит.

Сердце Чжоу Дэнханя дрогнуло.

Даже когда его публично отчитывали на глазах у всех, он не краснел, но под взглядом Цзи Чжайсина его лицо вдруг стало гореть.

Краснея до самых ушей.

— Э-э, — смущенно пробормотал Чжоу Дэнхань, — я не пристально смотрел на товарища Цзи... Просто я... беспокоился за однокурсника.

Ло Цзы не стал заботиться о ранимой душе юноши и холодно ответил:

— Надеюсь, это так.

Затем он продолжил разбор других работ.

Чжоу Дэнхань тяжело опустился на место, чувствуя, что ему больше не жить на этом свете.

После публичного унижения Чжоу Дэнханя остальные студенты стали более сдержанными и начали внимательно слушать.

Пока маленький робот, которого отправили за черновиками, ловко не вошел в класс. Он поднялся на кафедру, держа в руках стопку толстых белых листов бумаги.

Ло Цзы взглянул на них, и его взгляд на мгновение задержался.

Хотя это длилось всего миг, но те, кто знал Ло Цзы, могли бы понять, что в его взгляде мелькнуло удивление.

— Подойди сюда, — сказал Ло Цзы, его глаза были прикованы к Цзи Чжайсину, и он слегка поднял голову, его взгляд был ярким. — Сейчас докажи.

Слова Ло Цзы звучали странно.

Не «объясни», а «докажи».

Однако Цзи Чжайсин не заметил ничего необычного.

Он поднялся на кафедру, оказавшись в центре внимания всех присутствующих.

Бледнокожий черноволосый юноша слегка опустил глаза, его хрупкая фигура в белом мундире с золотой окантовкой приковывала к себе взгляды.

Его рукава были слегка закатаны, открывая запястья, белые, как снег.

Пальцы Цзи Чжайсина тоже были красивыми, и когда он перелистывал стопку бумаг, большинство наблюдали за его руками, а не за самими черновиками.

Черноволосый юноша спокойно просмотрел листы, привыкнув к такому вниманию, он не нервничал, а лишь изучил систему управления в классе и затем проецировал черновики на

белую стену позади себя.

Когда черновики полностью раскрылись, за спиной Цзи Чжайсина раздались вздохи удивления.

И нельзя было винить первокурсников за их реакцию. Черновики Цзи Чжайсина выглядели действительно впечатляюще.

Его почерк был прекрасен.

Даже несмотря на то, что он был с бедной и отсталой планеты, нельзя было не признать, что его каллиграфия превосходила почерк наследников знатных семей.

Заголовок был написан крупными иероглифами: «Анализ Битвы "Розы Филлис"», выполненными ярко-красными чернилами, а под ним следовали аккуратные строки текста.

Это были записи Цзи Чжайсина, связанные с анализом битвы.

По сравнению с двумя полными стратегическими анализами, представленными на экране неделю назад, эти черновики были более хаотичными, словно мысли записывались по мере их появления, и представляли собой лишь общие идеи.

На аккуратных листах единственным диссонансом были синие чернила, которыми были сделаны пометки — их автор, вероятно, был вспыльчив, его почерк был небрежным, иногда чернила растекались, а в некоторых местах даже прорывали бумагу.

И все это было очень беспорядочно.

Иногда синие пометки пересекались с аккуратным почерком Цзи Чжайсина, что вызывало раздражение у первокурсников, которые не понимали, как можно так небрежно обращаться с такими красивыми черновиками.

Однако Цзи Чжайсин спокойно объяснил:

— Синие пометки — это рекомендации старосты Бая, — сказал он. — Я следовал им, и мой анализ претерпел значительные изменения.

Чем дальше листали черновики, тем больше первокурсники замечали, что они содержали не только текст, но и множество рисунков, заметок и дополнительных материалов. В черновиках также были подробные исследования строя мехов, о которых упоминалось в анализе Цзи Чжайсина.

Однако Цзи Чжайсин не стал подробно останавливаться на этом.

Он лишь подробно объяснил, как Бай Чэнчи комментировал его черновики, и первокурсники начали думать, что, хотя почерк принца был небрежным, его замечания были точными и демонстрировали его глубокие знания.

Кроме того, из-за своего статуса Бай Чэнчи часто должен был подписывать документы, и некоторые студенты могли узнать, что синий почерк действительно принадлежал Третьему принцу. Однако он лишь давал рекомендации, а основные идеи и изменения принадлежали Цзи Чжайсину.

И эти черновики были написаны им.

Анализ мог быть выполнен кем-то другим, но эти материалы невозможно было присвоить, так как они явно принадлежали Цзи Чжайсину.

Как говорится, истинное знание проявляется в человеке, и, объясняя свои черновики, Цзи Чжайсин раскрыл множество деталей, которые невозможно было бы воспроизвести при плагиате или выполнении работы другим человеком.

Цзи Чжайсин не стал прямо опровергать обвинения, но все стало очевидно.

Те злые подозрения, которые высказывались в его адрес, теперь казались смешными.

Ло Цзы уже знал.

Он даже раньше других заподозрил Цзи Чжайсина. Благодаря своим знаниям он смог увидеть совершенство и глубину его анализа, понимая его ценность. Поэтому Ло Цзы изначально сомневался, что эта работа принадлежала Цзи Чжайсину.

Однако он не стал прямо обвинять его, а задал множество вопросов.

Ответы юноши его удовлетворили.

Именно тогда Ло Цзы понял, что нашел драгоценный камень... Нет, даже не камень, Цзи Чжайсин уже сейчас был невероятно талантлив.

Ло Цзы также понимал, что, учитывая происхождение Цзи Чжайсина и его статус вольного слушателя, его успехи вызовут множество вопросов, но он не ожидал, что это произойдет так быстро.

Он не был хорошим наставником, скорее, даже весьма суровым. Поэтому он не стал предупреждать наследника семьи Тань, который заблуждался, не сказал ему, что вероятность того, что Цзи Чжайсин использовал чужую работу, была близка к нулю, а лишь пообещал «разобраться».

Но тем, с кем он разберется, будет Тань Фуму, которого он использовал как точильный камень.

Как только появляются слухи, их нужно немедленно пресекать, не давая им распространиться среди студентов.

Если бы речь шла о другом студенте, знатные семьи могли бы сдерживать друг друга. Но Цзи Чжайсин... он был простолудином, и Третий принц не мог быть его защитой.

Такой жемчужине, еще не успевшей раскрыться, слишком легко было погибнуть под гнетом слухов, потеряв свой блеск и талант.

Ло Цзы не мог этого допустить. Он был готов даже пожертвовать студентом, который не вызывал у него симпатии.

Но Цзи Чжайсин справился лучше, чем он ожидал.

Его черновики были грубыми, необработанными идеями, но в то же время они были очень детальными.

<http://bllate.org/book/15565/1385706>